

Criminalistic analysis of the interpersonal conflict at investigation of crimes

The questions of the formation and development of conflict interaction in the mechanism of criminal activity. Shows the impact of the role of offender on the formation and development of intrapersonal and interpersonal conflicts that are the subject of the conflict and determine the object of the conflict. Considered the personal elements of the conflict: value orientations, interests, needs, emotional — volitional offender and the victim's identity, determining the conditions and circumstances of the formation and development of interpersonal conflict. Interpersonal conflict is seen as a way to resolve the conflict in the mechanism of intra-criminal activities as a means to counter the investigation.

УДК 343.32

Б.Ж.Кыздарбекова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: kyzdarbekova@mail.ru)

К вопросу о субъекте терроризма

В статье рассмотрена проблема возраста уголовной ответственности за терроризм. Проанализирован опыт государств постсоветского пространства в его установлении. Автором оспорена позиция отдельных ученых-юристов, выступающих против понижения возраста уголовной ответственности за терроризм. Поднята проблема привлечения к уголовной ответственности за терроризм 14-летних лиц, отстающих в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, и юридических лиц.

Ключевые слова: субъект терроризма, возраст уголовной ответственности за терроризм, юридические лица, общественная опасность, умысел, несовершеннолетние.

Вопрос определения субъекта терроризма с позиции его законодательного регулирования не вызывает сложностей. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.02.2012 г.) под террористом следует понимать лицо, участвующее в осуществлении террористической деятельности, которая, в свою очередь, определяется как «деятельность, направленная на совершение террористических преступлений и включающая в себя любое из нижеуказанных деяний: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию акта терроризма; подстрекательство к акту терроризма; организацию незаконного военизированного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации акта терроризма, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации акта терроризма; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности». Из данного текста закона следует, что к террористам, т.е. лицам, подлежащим ответственности за терроризм (ст. 233 УК РК), следует относить не только непосредственных исполнителей террористических актов, но и других соучастников (организатора, подстрекателя, пособника). Их, с учетом законодательной регламентации, следует рассматривать как соисполнителей преступления.

Очевидно, что для определения признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 233 УК РК, приведенных выше законоположений явно недостаточно. Необходимо также учитывать признаки субъекта, предусмотренные в ст.ст. 15 и 16 УК РК, из содержания которых явствует, что в качестве такового может быть признано физическое, вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 14 лет. К сказанному добавим, что субъектами терроризма могут выступать как граждане Республики Казахстан, так и иностранцы, и лица без гражданства.

В литературе последних лет все чаще поднимается проблема возраста уголовной ответственности за терроризм. В частности, отдельными авторами оспаривается законодательное решение относительно понижения возраста уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, а также активно дискутируется проблема установления ответственности за него юридических лиц и государств. Так, О. Качмазов считает, что повышенная общественная опасность данного преступления не может выступать единственным основанием для снижения возраста уголовной ответственности. При определении возраста уголовной ответственности за каждое конкретное преступление в первую очередь следует исходить из способности лица, его совершающего, по достижении указанного возраста осознавать фактический характер и общественную опасность данного преступления. В свою очередь, умысел несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, которые, по мнению законодателя, не могут четко оценивать опасность террористического акта и диверсии (уголовная ответственность за данные преступления наступает с 16 лет) и преследовать цель прекращения государственной или иной политической деятельности государственного или общественного деятеля либо цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, цель терроризма — нарушение общественной безопасности, устрашение населения и оказание воздействия на принятие решений органами власти — тем более не может охватываться [1; 30].

Приведенные автором аргументы не столь убедительны для признания ошибочным установленного законодателем пониженного возраста уголовной ответственности за рассматриваемое преступление. С нашей точки зрения, уровень социализации современных четырнадцатилетних лиц позволяет им осознавать в полной мере характер и степень общественной опасности терроризма. Вряд ли 14-летнее лицо при совершении взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, не способно осознать их опасность и руководствоваться одной из целей, указанных в ст. 233 УК РК. Более того, такой нижний возрастной предел, установленный для субъекта терроризма, имеет превентивный эффект как для 14-летних террористов, так и для взрослых, осуществляющих их подготовку к совершению этого деяния.

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства государств постсоветского пространства указывает на определенные различия в нижней возрастной границе ответственности за терроризм. Так, в России за терроризм (ст. 205 УК), в соответствии со ст. 20 УК, ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста. Аналогичным образом решается этот вопрос и в уголовном законодательстве Украины (ст.ст. 22 и 258 УК), Азербайджана (ч. 2 ст. 20 и ст. 214 УК АР), Кыргызстана (ст.ст. 18 и 226 УК), Таджикистана (ст.ст. 23 и 179 УК). Нижний возрастной предел ответственности за терроризм в 16 лет предусмотрен Уголовными кодексами Беларуси (ст.ст. 27 и 289), Армении (ст.ст. 24 и 217), Молдовы (ст. 278), Узбекистана (ст.ст. 17 и 155). По уголовному законодательству Эстонии ответственность за терроризм предусматривается с 15-летнего возраста (ст.ст. 10 и 641 УК). Очевидно, что государства, где нижняя возрастная граница за совершение терроризма составляет 16 или 15 лет, руководствуются тем, что только начиная с этого возраста у лица появляется способность осознать характер и степень опасности данного преступления.

Примечательно, что нижняя возрастная граница субъекта других террористических преступлений, указанных в п.2 примечания к ст. 233 УК РК (ст.ст. 162, 163, 166–1, 167, 171, 233, 233–1, 233–2, 233–3, 233–4, 234, 238, 239 УК), составляет 16 лет. К сожалению, должной аргументации в пользу такого законодательного решения мы не находим. Однако если обратиться к проекту нового УК РК, то он подобного примечания к названной статье не содержит, т.е. не определяет перечня преступлений, являющихся террористическими. Кроме того, в нем значительно расширен круг преступлений, относящихся сегодня к террористическим, за совершение которых возраст уголовной ответственности наступает с 14 лет. К числу последних, согласно Проекту нового УК РК, относятся нападение на лиц или организации, пользующиеся международной защитой (ст. 185), посягательство на жизнь Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации (ст. 189), диверсия (ст. 195), терроризм (ст. 270), пропаганда терроризма либо экстремизма или публичные призывы к совершению акта терроризма (ст. 271), создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности (ст. 272, ч. I и II), финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму (ст. 273), нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи (ст. 283), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 287). Такой подход нам представляется верным, поскольку установление возраста уголовной ответственности с 14 лет за перечисленные выше террористические преступления, во-первых, указывает на их повышенную

опасность для общества, во-вторых, если мы признаем, что 14-летний подросток вполне способен осознать характер и степень опасности терроризма, то нельзя не допускать этого и при совершении таких уголовно-наказуемых деяний, как: нападение на лиц или организации, пользующиеся международной защитой, посягательство на жизнь Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации, диверсии, пропаганда терроризма либо экстремизма или публичные призывы к совершению акта терроризма, создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности, пособничество терроризму либо экстремизму, нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи, заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Следует обратить внимание и на то, что 14-летние лица, в соответствии с ч. 3 ст. 15 УК РК, отстающие в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, которые во время совершения акта терроризма не могли в полной мере осознать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, также подлежат уголовной ответственности. Не привлекаются к последней, на основании указанной части ст. 15 УК, лишь несовершеннолетние, отстающие в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, которые совершили преступление небольшой или средней тяжести.

Трудно признать данный законодательный подход обоснованным, поскольку подросток, отстающий в психическом развитии, не способен осознать в полной мере фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими и во время совершения некоторых тяжких преступлений. Если следовать законодательной позиции, то получается, что 14-летний подросток, отстающий в психическом развитии, совершивший поджог жилого дома, приведший к гибели людей, не осознававший в этот момент в полной мере фактический характер и опасность своих действий, будет нести ответственность за убийство или терроризм, а подобные действия со стороны 13-летнего лица останутся безнаказанными, в силу недостижения им возраста уголовной ответственности. Возникает вопрос: в чем отличие 13-летнего подростка, не являющегося субъектом уголовного права, и 14-летнего лица, отстающего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, совершивших указанные выше действия? В этом отношении прав российский законодатель, который в ч. 3 ст. 20 УК РФ устанавливает: «Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности». Как видим, здесь не делаются исключения из общего правила, т.е. категория преступления не является одним из оснований непривлечения к уголовной ответственности 14-ти или 16-летних лиц, отстающих в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством.

В последние годы острая дискуссия развернулась по вопросу установления уголовной ответственности за терроризм юридических лиц и государств [2]. В отечественной теории уголовного права предложение о возможности признания юридического лица субъектом преступления стало обсуждаться еще в период разработки действующего УК, которое, однако, было отрицательно воспринято большинством как ученых, так и практических работников. Их опасения были вызваны тем, что, во-первых, уголовная ответственность юридических лиц противоречит принципу личной и виновной ответственности; во-вторых, трудностями в разработке самой модели воплощения ответственности юридических лиц в уголовное законодательство. Кроме того, они исходили из имеющейся возможности усиления материальной ответственности за незаконную деятельность юридических лиц в рамках гражданского, налогового и финансового права.

Вместе с тем споры по вопросу признания юридического лица субъектом преступления не утихают до сих пор. Причем количество сторонников внедрения уголовной ответственности юридических лиц в последнее время превышает противников. Главные аргументы сторонников заключаются в том, что, во-первых, в последние годы возникло увеличение количества преступлений, совершаемых фактически юридическими лицами, за которые они необоснованно остаются безнаказанными, во-вторых, такая необходимость вызвана международными обязательствами, т.е. следует привести национальное законодательство в соответствие с последними. Нельзя не брать также во внимание и тот факт, что в настоящее время уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена законодательством ряда зарубежных стран (Великобритании, Германии, Франции, Италии, Бельгии, Австрии, Голландии, Ирландии, Дании, США, Канады, Индии, Китая, Южной Кореи и др.). На постсоветском же пространстве уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена только

в Республике Молдова, Латвии и Литве. Перспективы внедрения уголовной ответственности юридических лиц активно рассматриваются и обсуждаются в России, а также в Украине, Казахстане. Примечательно, что положительное решение вопроса этими государствами в принципе уже имеется, так как проекты их уголовных кодексов содержат соответствующие нормы об ответственности указанных лиц.

В этой связи следует отметить и то, что еще в 1973 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Позднее в Страсбурге 27 января 1999 г. был принят другой документ — Европейская конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, где также шла речь об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений (ст. 18). Заметим, что международные обязательства Казахстана по введению уголовной ответственности юридических лиц обусловлены присоединением Казахстана в 2008 г. к указанной выше Европейской конвенции, где идет речь об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений (ст. 18).

В Концепции проекта УК РК отмечается, что дискуссия возможна лишь в аспекте реализации уголовной ответственности юридических лиц, но не в аспекте необходимости ее закрепления в законодательстве Казахстана, поскольку такая необходимость вытекает из международных обязательств РК, а также, конечно, из Концепции правовой политики РК на период с 2010 по 2020 гг. [3].

За внедрение положительного зарубежного опыта решения данной проблемы в законодательство выступали видные казахстанские ученые — У.Джекебаев, И.Ш.Борчашвили, С.Б.Айсин и другие. У.С.Джекебаев отмечает, что «если государство устанавливает уголовную ответственность юридических лиц, оно тем самым лишь совершенствует орудия защиты давно существующих, хотя и недостаточно, но охранявшихся интересов» [4].

С нашей точки зрения, если неправомерная деятельность корпорации (предприятия) повлекла за собой тяжкие последствия, к примеру, вред здоровью или даже смерть человека, урон окружающей среде, то только лишь применение уголовно-правовых санкций позволит отобразить фактическую степень общественной опасности совершаемых ею деяний. Также, вне всяких сомнений, вред, причиняемый юридическим лицом, часто во много раз превышает вред, который может быть нанесен отдельным физическим лицом, и, соответственно, штрафные санкции, применяемые к ним в рамках гражданского и административного законодательства, зачастую не соответствуют размеру причиненного вреда, это, во-первых, а во-вторых, не способны восстановить социальную справедливость и предупредить совершение ими новых деяний. Поэтому считаем недопустимым установление для юридического лица гражданской и административной ответственности за деяние, признаваемое уголовным законом преступлением. Нельзя также исключать из внимания имеющееся различие между гражданско-правовой и уголовной ответственностями, выражающееся, прежде всего, в неодинаковости их функционального назначения. Так, если гражданско-правовая ответственность в основном выполняет компенсационную функцию, т.е. имеет целью устранение неблагоприятных последствий у потерпевшего за счет нарушителя, то уголовная ответственность — охранительную функцию, т.е. будучи призванной охранять и защищать объекты уголовно-правовой охраны, она направлена на восстановление нарушенных законных прав потерпевшего и положительной ресоциализации сознания и поведения преступника. Поэтому уголовно-правовые методы должны применяться только в тех случаях, когда иные меры (гражданско-правового, административного характера), применяемые к коллективным образованиям, не способны восстановить социальную справедливость и предотвратить совершение новых деяний, причиняющих или способных причинить ущерб (вред) общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством.

Но все же главный аргумент противников уголовной ответственности юридических лиц заключается в том, что установление уголовной ответственности юридических лиц не соответствует таким фундаментальным принципам уголовного права, как личная и виновная ответственность. Прав У.С.Джекебаев, утверждающий, что «понимание вины как определенного психологического отношения к совершенному преступному деянию не применимо к юридическому лицу. Вина юридических лиц, совершивших преступные деяния, может быть понята лишь как деяние ее правоспособных представителей, которые могут действовать как умышленно, так и неосторожно» [4; 73]. В связи с этим, мы полагаем, что вину юридического лица следует определять в зависимости от вины лиц, осуществляющих в нем управленческие функции. Это обусловлено тем, что преступление совершается всегда конкретным физическим лицом, действующим от имени и (или) в интересах предприятия (юридиче-

ского лица). Несомненно, что такими полномочиями обладает, прежде всего, руководитель или иной работник в рамках предоставленных ему последним служебных полномочий. Так, в разработанном Институтом американского права Примерном уголовном кодексе США, рекомендованном в качестве образца для принятия уголовных кодексов отдельных штатов, об ответственности корпораций, неинкорпорированных объединений и лиц, действующих в их интересах, в ст. 2.07. говорится, что Корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, если: 1) посягательство является нарушением или определено не кодексом, а другим статутом, в котором прямо выраженная цель законодателя состоит в возложении ответственности на корпорацию, и поведение осуществлено агентом корпорации, действующим в ее интересах в пределах своей должности или своего служебного положения; в других случаях закон прямо указывает агентов, за поведение которых корпорация несет ответственность, или обстоятельства, при которых она несет ответственность; 2) посягательство состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной обязанности совершать положительные действия; 3) посягательство было разрешено, потребовано, приказано, исполнено или опрометчиво допущено советом директоров или агентом — управляющим высокого ранга, действующим в интересах корпорации в пределах своей должности или своего служебного положения.

В этом же кодексе дается указание, что «агент» — это любой директор, должностное лицо, служащий, лицо, работающее по найму, или иное лицо, уполномоченное действовать в интересах корпорации, а «агент — управляющий высокого ранга» — должностное лицо, на которого возложены столь ответственные функции, что его поведение может быть основательно истолковано как представляющее линию поведения корпорации. Далее говорится, что за любое поведение, осуществляемое лицом в интересах корпорации, либо делает так, что такое поведение осуществляется, оно несет ответственность в тех же пределах, в которых оно несло бы ее, если бы это поведение было осуществлено от его собственного имени или в его собственных интересах. При этом любой агент корпорации, согласно установлениям кодекса, несущий основную ответственность за исполнение обязанностей, возложенных на корпорацию, является юридически ответственным за опрометчивое несовершение требуемого от корпорации действия в тех же пределах, как если бы эта обязанность была возложена непосредственно на него самого.

Принимая в принципе обоснованность этой концепции и поддерживая полностью сторонников недопустимости установления уголовной ответственности государств [5], считаем возможным введение уголовной ответственности юридических лиц применительно и к терроризму. Апостериорно, что последний в основном совершается незаконными организованными структурами — террористическими организациями, не обладающими признаками юридического лица, однако при этом нельзя исключать возможность террористической деятельности каких-либо организаций, их филиалов, представительств, в том числе и международных, зарегистрированных в качестве юридического лица, которые либо непосредственно организуют и осуществляют террористическую деятельность, либо осуществляют пособничество таким организациям в виде финансирования и другой деятельности, предусмотренной в диспозициях ст. ст. 233, 233–1, 233–2, 233–3, 233–4 УК РК. В отношении таких организаций, как мы полагаем, допустимо установление уголовной ответственности юридических лиц. Хотя, следует заметить, что в литературе имеется ровно противоположное мнение. Так, Э.Нарбутаев и Ф.Сафаев считают, что применение уголовно-правовых санкций к юридическому лицу весьма малоэффективно в борьбе с преступностью [6]. В.А.Лукиянов пишет: «Даже если суд признает некую организацию преступной и приговорит ее к принудительной ликвидации, то это только в малой степени способно помешать ее создателям продолжать совместную преступную деятельность на неформальной основе» [7]. Поэтому, принимая в принципе концепцию уголовной ответственности юридических лиц, и в частности применительно к составу терроризма, мы полагаем, что ее реализация будет выражаться не только в ликвидации организации, но, прежде всего, в привлечении к уголовной ответственности конкретных ее членов, обладающих общими признаками субъекта преступления (достижение определенного возраста, вменяемость).

References

- 1 *Kachmazov O.* Criminal responsibility for terrorism // *Legality*. — 1998. — № 8. — P. 29–31.
- 2 *Golovko L.* Overcoming of problem of criminal responsibility of legal entities in the context of conception of criminal matter («criminal law in wide sense») / <http://zakon.ru>.

3 Conception of legal politics of Republic of Kazakhstan on 2010–2020 and prospects of development of the judicial system / <http://rudocs.exdat.com/docs/index-250710.html>.

4 *Dzhekebaev U.S.* About criminal responsibility of legal entities // Of Information of NAS of Republic of Kazakhstan. Series of social sciences. — 1993. — № 4. — P. 73–77.

5 *Emelyanov V.P.* Problems of responsibility for international terrorism // The State and right. — 2000. — № 1. — P. 70–77.

6 *Narbutaev E., Safaev F.* Course of international criminal law. — Tashkent, 2006. — <http://www.w3.org/TR/html4/ loose.dtd>.

7 *Lukyanov V.A.* Responsibility: philosophical and criminal law aspects. Dissertation on the competition of graduate degree of candidate of juridical of sciences. — Yekaterinburg, 1999. — 23 p.

Б.Ж.Қыздарбекова

Лаңкестіктің субъектісі туралы мәселеге

Мақалада посткеңестік мемлекеттерде белгіленген лаңкестік үшін қылмыстық жауапкершілікке тарту жасының мәселелері мен тәжірибесі қарастырылды. Автор лаңкестіктік қылмысы үшін қылмыстық жауапкершілікке тарту жасын төмендету бойынша кейбір ғалымдар мен заңгерлердің көзқарастарына қарсы пікір білдірді. Сонымен бірге лаңкестік үшін 14 жастан бастап, жасөспірімдердің психикасының бұзылуымен байланысты емес, психикалық дамуы жағынан артта қалуы салдарынан, және заңды тұлғаларды жауапкершілікке тарту сұрақтарын зерттеді.

B.Zh.Kizdarbekova

To question about subject of terrorism

In the article the problem of age of criminal responsibility is examined for terrorism, experience of the states of post-soviet space is analysed in her establishment. An author contests position of separate scientists-lawyers arguing against lowering of age of criminal responsibility for terrorism. The problem of bringing in rises to criminal responsibility for terrorism of 14-years-old persons, backward in psychical development unconnected with a psychonosema, and legal entities.